VII. Политические события после Ништадтского мира до кончины Петра Великого

Ништадтский мир прекратил военные отношения России к Западу. Главная цель была достигнута: в руках России были берега Балтийского моря, и земля, на которой поставлен был любезный Петрову сердцу Петербург, признана вечною принадлежностью России. Теперь деятельность Петра могла уже совершенно свободно обратиться в иную сторону. Внутренние учреждения, которыми так, можно сказать, лихорадочно занялся Петр в последние перед тем годы, не могли наполнить его предприимчивой натуры: у него была потребность во внешней деятельности, потребность войны и приобретений. Счастливое окончание шведской войны, после многолетних усилий и беспрестанных утрат и потрясений, возбуждало его к воинственным предприятиям в другую сторону. Уже прежде обращал он внимание на Восток: он чувствовал и понимал, что, по отношению к Востоку, созданная им военная русская сила и русская политика имеют нравственное и материальное предпочтение. Дела с Востоком не угрожали опасностью России, особенно после того, как Россия успела выйти победоносною из борьбы с европейской державой, даже при множестве затруднений, которые делала ей остальная Европа. Течение обстоятельств влекло Петра к намерению поживиться для России за счет Персии.

Петр мог явиться не завоевателем, нападающим на соседа с хищническими целями, а добрым соседом, оказывающим помощь законной власти, и потом потребовать себе уступки земель, как бы в вознаграждение за оказанную помощь. На персидском престоле сидел шах Гуссейн IV, занявший престол еще в 1694 году. Он был одним из таких государей, которые как будто судьбою посылаются для того, чтобы привести в расстройство и разрушение свое государство. Сам он проводил дни в гареме, управление государством предоставлял визирям и питал полнейшее отвращение ко всяким заботам, а тем более к войне. Все восточные государства, с незапамятных времен древности, подчинялись одному неизменному закону: сильный и деятельный государь легко завоевывал своих соседей, присоединял край за краем к своим владениям и так образовывал обширное государство. Но части его соединялись между собою только механическою связью династий: обитатели держались в повиновении только рабским страхом; никакой нравственной связи не могло возникнуть между ними. У наследников счастливого завоевателя естественно ослабевала военная предприимчивость их предка, когда более воевать было не с кем или становилось неудобным. Они начинали пользоваться плодами, собранными их прародителями -завоевателями, отдавались мирному житию, которое выражалось не в каких-нибудь заботах о внутреннем устроении и о благосостоянии подвластных, а в преданности чувственным утехам, и последствиями этого всегда бывали лень и нерассудительность. Плохо сплоченные части государства начинают расползаться: подвластные, почуявши, что над ними нет тяжелого бича, поднимают бунт за бунтом; ловкие и смелые правители провинций провозглашают себя независимыми, государство распадается, и если в пору не явятся сильные руки, умеющие остановить на время его окончательное разложение, оно легко становится добычею какого-

нибудь предприимчивого соседа, который на его развалинах создает иное государство. Такой процесс беспрестанно повторялся на Востоке и в отдаленный период язычества, и по распространении магометанства, которое, в этом отношении, мало изменило судьбу Востока, потому что не заключало в себе никаких стихий для нравственной переработки народов, принявших эту религию. То же грозило Персии в эпоху царствования Петра Великого в России.

Распадение Персии начиналось уже с ее восточных пределов. Поднялись против власти персидского шаха авганы, данники Персии, управляемые наместниками шаха. Некто Миривес, бывший в этой земле собирателем даней, следуемых персидскому государю с покоренного народа, в 1710 году покусился сделаться независимым. Он умертвил грузинского князя Георгихана, посланного от шаха наместником в Авганистан и утвердился в авганской столице Кандагаре. Персия не в состоянии была принудить его к повиновению. Он умер в 1717 году независимым властителем. Его сын Мир-Махмуд наследовал отцу, умертвивши своего дядю. Он захватил провинцию Кирман и привлек на свою сторону всех последователей секты суннитов в Персии, враждебной шиитскому толку магометанства, которого держался двор и исстари исповедовали все персидские шахи, включительно до Гуссейна IV. Началось в государстве всеобщее междоусобие под знаменем двух магометанских вероисповеданий. Гуссейн поручил свое войско Луфти-Али-хану, брату своего визиря Атемат-Булета. Этот полководец действовал удачно против мятежников, но враги нашли способ очернить перед малоумным шахом и визиря и его брата полководца. Шах Гуссейн приказал своему визирю выколоть глаза, а Луфти-Али-хана посадить в тюрьму. Тогда Мир-Махмуд, не имея против себя опытного и даровитого врага, повел свои дела так удачно, что собрал более 60000 войска, двинулся на столицу Персии Испагань и принудил шаха Гуссейна признать себя великим визирем, начальником всего персидского войска и настоящим правителем государства. Униженный таким образом, Гуссейн отрекся от престола, назначивши своим преемником одного из сыновей своих Тохмас-мирзу.

Из Кандагара подан был сигнал: за Мир-Махмудом начали возмущаться правители других провинций. Взбунтовались лезгины, народ, живший в Кавказских горах и плативший ежегодную дань Персии. Лезгинский владелец Даудбек напал на Шемаху; лезгины и их союзники казы-кумыки разорили и разграбили город, перебили и обобрали торговавших там русских купцов, награбили у них товаров ценою на полмиллиона. Богатейший русский купец Евреинов разорился тогда вконец. В то же время грузинский князь Вахтанг, незадолго перед тем принявший магометанство в угоду шаху, затевал также освободиться от персидской власти и искал содействия России. Он обращался к астраханскому губернатору Волынскому, уверял, что отрекся от Христа поневоле, притворно, и теперь снова желает обратиться к христианству, поступивши под власть русского царя. Вахтанг уговаривал русское правительство воспользоваться крайним положением Персии и, со своей стороны, обещал русским 40000 войска, для содействия против Персии. Кроме обиды, нанесенной русским купцам в Шемахе, Петр был недоволен тем, что

караван русских купцов, возвращавшийся из Китая, был разграблен на дороге хивинскими татарами, которые находились в союзе с Мир-Махмудом.

Петр увидел, таким образом, превосходный случай вмешаться в персидское дело, под предлогом защищать законную верховную власть, потрясенную Мир-Махмудом, и спасти Персию от совершенного распадения, так как, после отречения Гуссейна, молодой и неопытный Тохмас-шах был государем только по имени. Авганы и их союзники курды опустошали государство. Вдобавок Турция имела виды овладеть Персиею. Самой даже государственной религии в Персии грозила беда: лезгины и авганы были сунниты, курды - огнепоклонники.

После сильных понуждений со стороны астраханского губернатора Волынского, решившись идти в поход, русский государь хотел предупредить Турцию, чтобы она не воспользовалась разложением персидского государства и не овладела персидскими областями: это было бы страшным для России событием; оно усилило бы издавна враждебную России державу, всегда готовую ей вредить. В начале 1722 года Петр прибыл в Москву и оттуда приказал снаряжать на Волге суда, для перевозки войска к Каспийскому морю. В мае государь, вместе с Екатериною, отправился в путь водою по Москве-реке и Оке. В Нижнем праздновал он день своего рождения (30 мая), был великолепно угощаем богатейшим из русских промышленников Строгоновым, а потом из Нижнего отправился вплоть до Астрахани, останавливаясь на короткое время в поволжских городках для их осмотра. Между тем турецкий двор, узнав о намерении русского государя, предусмотрел со стороны его умысел завоевать и присоединить к своим владениям области шаха и прислал к Петру в Астрахань грамоту, с увещанием оставить предприятие. Петр отвечал, что идет в Персию не завоевателем, а союзником шаха, чтобы избавить его от мятежников и принудить Мир-Махмуда покориться законному своему государю. 18 июля Петр, с пехотою в числе 22000 и с 6000 матросов, пустился на судах по Каспийскому морю, по направлению к Дербенту, а конница шла туда же сухопутьем (регулярной русской конницы было 9000, кроме того, 40000 казаков и калмыков и 30000 татар).

Петр разослал по сторонам манифест ко всем, считающимся подданными шаха, называл себя союзником их повелителя и требовал от них мирного подчинения, объявляя в то же время, что он строго запретил русскому войску всякие неприязненные поступки над персидскими подданными, покорными своему государю. 12 августа Петр прибыл в Тарки. Тамошний владелец, или шевкал, как он титуловался, по имени Адель-Гирей, считавшийся данником шаха, принимал Петра и Екатерину униженным образом, хотя внутренне был очень недоволен прибытием непрошенных союзников. Хуже поступил другой данник шаха, утимишский султан Мугаммед. Петр отправил к нему трех донских казаков - требовать покорности; султан приказал побить их и со своими силами ударил на русское войско, но русские отбили его, разорили его столицу Утимиш, пожгли и пограбили его владения; сам Петр, в возмездие за убитых трех своих казаков, приказал побить 21 пленника, затем целую толпу других пленников отправил к утимишскому султану с обрезанными носами и ушами.

23 августа царь подошел к Дербенту; комендант его, называемый по-персидски наиб, вышел навстречу к царю с серебряными городскими ключами и сдал город. Петр простоял здесь до сентября; приближалась осень; подвоз припасов по Каспийскому морю становился затруднительным; сообразивши это, Петр оставил в Дербенте гарнизон под начальством полковника Юнкера, а сам повернул назад к Астрахани, и на возвратном пути, на реке Сулаке, заложил крепость, наименовавши ее крепостью Св. Креста. Из Астрахани Петр выслал для дальнейших военных действий в Персии генерал-майора Матюшкина в Баку, а полковника Шипова к Рящу, сам же, пробывши некоторое время в Астрахани, уехал в Москву. 13 декабря он имел торжественный въезд в старую русскую столицу. Его склонность к торжественным праздникам и к риторическим восхвалениям своих подвигов находила себе желанную пищу в том представлении, что он завоевал город, построение которого приписывали Александру Македонскому. В Москве царь пробыл до весны, и накануне своего отъезда в Петербург, собственноручно сжег свой деревянный дворец в Преображенском. Он сказал бывшему при этом гол-штинскому герцогу: "Здесь задумал я впервые войну против Швеции; пусть вместе с этим домом исчезнет всякая мысль о вражде с нею; пусть она будет вернейшею союзницею моей империи!"

Отряды, которым Петр поручил окончание военных действий в Персии, исполнили свое поручение хорошо. Шипов утвердился в Ряще. Персидские власти не рады были чужеземцам и именем шаха требовали, чтобы русские выходили из города; Шипов не уходил под разными предлогами и достоял до весны 1723 года. За это время туземцы до того невзлюбили пришельцев, что в марте, когда Шипов, отправивши часть своего отряда на судах, остался с малочисленными силами, напали на него с оружием в караван-сарае. Русские отбили персиян, несмотря на то, что последних было, может быть, в десять раз более. И другой посланный с отрядом в персидские владения, Матюшкин, прибывши в Баку летом 1723 года, встретил совершенное нежелание принимать русских. Персияне хотели воспрепятствовать высадке русского войска на берег, но Матюшкин отбил их и принудил город к сдаче. Впрочем, действия Матюшкина и Шипова не имели важных последствий, потому что и без этих дел, 12-го сентября 1723 г., присланный от Тохмас-шаха посол Измаил-бек в Петербурге заключил от имени своего государя с русским императором союзный договор: русский государь обещал со стороны России оказывать шаху помощь против бунтовщиков, а шах, для возможности содержать войско, которое император пошлет ему против мятежников, уступил России города Дербент и Баку, с побережьем Каспийского моря, заключающим провинции Гилян, Мазандеран и Астрабад. Договор этот был ратифицирован русскими послами, отправленными в Персию в апреле 1724 г. Таким образом, почти без войны, воспользовавшись обстоятельствами, Петр приобрел для России полосу южного края, богатого различными произведениями; и тогда же русский государь начал делать соображения о приглашении христианских поселенцев в новоприобретенный край. Этими поселенцами, по предположениям Петра, должны были быть армяне, которые давно уже побуждали русского государя к овладению Прикавказским краем. В начале 1724 года началось переселение

армян из турецких владений, но оно шло довольно медленно, потому что турки неохотно выпускали их из своих областей. Приобретение Прикаспийского края не осталось без неудовольствия со стороны Турции. Сначала великий визирь, в сношениях с русским резидентом Неплюевым, долго твердил, что Порта одна имеет полное право овладеть Персиею, тем более, что Мир-Махмуд и лезгинский владетель Дауд-бек признали над собою верховное первенство турецкого падишаха. Турки между тем успели овладеть Тифлисом. Английский посланник старался вооружить Турцию против России, а французский, Дебонак, держал сторону России и пытался не допустить до войны. В январе 1724 года дело повернулось так, что можно было со дня на день ожидать объявления России войны, и Неплюеву приходилось уезжать из Константинополя. Но французский посол настроил визиря так, что тот сам предложил французскому послу быть посредником в переговорах с русским резидентом. Дело, однако, потянулось еще на полгода. Пошли споры, толки. По известию Неплюева, французский посол начал было склоняться на сторону Турции; но 12-го июня 1724 года все уладилось в пользу России: порешили оставить Шемаху под владением турецкого данника, лезгинского князя Дауд-бека, а пространство от Шемахи до Каспийского моря разделить между Россиею и Дауд-беком, так что последнему отдавалась меньшая часть этого пространства, чем России. Петр домогался, чтобы Турция не воспрещала своим христианским подданным, армянам и грузинам, переходить в новоприобретенные от Персии провинции, обещая зато не воспрещать и магометанам перехода в Турцию. Несчастный грузинский царь Вахтанг, бывший поневоле и по слабохарактерности мусульманином, возвратился к христианству, но его начали теснить в одно время и турки и персияне: явился претендентом ему другой грузинский князь, владелец Кахетии. Вахтанг принужден был покинуть свое царство и уехать в Россию на вечное житье.

Экспедиция Петра в Персию имела важное значение в русской истории. Она была начальным шагом к тому движению России на юго-восток, которое, то останавливаясь, то снова возобновляясь, привело Россию впоследствии к приобретению закавказских грузинских земель и всего кавказского хребта. Петр, думая сделать из России морскую державу и открыть ей путь к занятию подобающего ей места в ряду европейских держав, в то же время понимал, что как география, так и история наметили ей и другую дорогу, - дорогу на Восток, где Россия, получая от Запада плоды европейской цивилизации, могла в собственной переработке сообщать их восточным народам, стоявшим в сравнении с нею на меньшей степени культурного развития.

В отношениях к западным державам важнейшее дело этого времени было заключение в феврале 1724 г. оборонительного союза со Швецией. После продолжительной войны, оба государства вступили в самую искреннюю дружбу между собою. Это важное дело совершено старанием русского посла в Стокгольме, Бестужева, и отчасти министра голштинского, Бассевича, поставившего своего герцога снова в добрые отношения к Швеции. Перед этим временем Петр, с целью сделать шведского короля уступчивее, вознамерился попугать его и пустить свой флот в Балтийское море, но герцог написал к

Бассевичу, своему послу, бывшему тогда в Стокгольме, письмо, в котором выражался, что лучше откажется от всяких прав на шведскую корону, чем купит ее ценою шведской крови. Бассевич показал это письмо шведскому министру Горну, главному недоброжелателю герцога, и тронул Горна до того, что тот изменил свои чувствования к племяннику Карла XII. Состоялся такой договор Швеции с Россией: обе державы обязывались поддерживать друг друга военною силою, сухопутною и морскою, и не заключать ни с кем договоров, противных этому союзу. Голштинский герцог отказывался от всяких притязаний на шведский престол при жизни тогдашнего короля и его прямых потомков, а Швеция, вместе с Россией, обещалась домогаться утверждения за ним его герцогских наследственных владений. Обе державы постановляли, кроме того, не допускать внутренних беспорядков в Польше, а поддерживать ее старинную вольность и избирательное правление. Это последнее условие определило на долгое время взгляд на политику, какую должны были соблюдать соседи в отношении к Польской республике: соседям выгодно было поддерживать старинную польскую шляхетскую вольность, потому что такой государственный строй вел Польшу, рано или поздно, к гибели и давал надежды на возможность сделать приобретение в эпоху неизбежного падения Польской республики. С французским двором Петр, последние годы своего царствования, находился в дружелюбных отношениях: у Петра было даже намерение отдать одну из дочерей своих за малолетнего французского короля, но этот план не удался, потому что регент Франции постарался дать королю другую невесту, малолетнюю испанскую инфантину, которой, однако, не суждено было стать французской королевой. С Францией соединяло Россию еще обоюдное участие к судьбе проживавшего во Франции претендента на английский престол Иакова Стюарта, к которому Петр благоволил, тем более что с тогдашним английским королем Георгом у него уже несколько лет сряду были натянутые отношения. Но дело претендента не довело Россию ни до каких предприятий в его пользу, главным образом оттого, что его постоянная союзница и покровительница, Франция, сочла за лучшее примириться с королем Георгом, ограничивши свои отношения к претенденту только одними любезностями. При посредстве Франции, Петр был уже готов помириться и подружиться с английским королем, однако не успел этого сделать при своей жизни. Летом 1723 года Петр, в сопровождении своих вельмож, ездил морским путем в Рогервик и положил там основание длинного мола, с закрытою дорогою наверху и с батареей. У государя тогда рождалось желание перенести туда и свой военный порт, так как в Кроншлоте замечалась большая примесь пресной воды, способствовавшая скорой порче кораблей. В Рогервике море образует большую бухту, окруженную отвесными скалами, и до того широкую, что в ней могло вместиться до 1000 больших судов. Она была очень глубока и не принимала в себя отнюдь пресных вод. По возвращении из Рогервика в августе 1723 г., Петр обозревал в Крондштадте флот и любовался своим делом, совершенным им с любовью в течение всей своей жизни. Весь флот в 1723 году состоял из 24 кораблей и 5 фрегатов, на нем было 1730 орудий и до 12500 человек экипажа. В это время вспомнил Петр о том небольшом ботике, на котором в молодости начал он учиться плаванию по Яузе и по северным русским озерам. Петр

приказал привести его в Петербург, поставил его в Кронштадте между кораблями, нарек Дедушкой русского флота и потом с торжеством перевез в Петербургскую крепость, где назначил для хранения как национальную святыню. Это событие послужило поводом к торжественному многодневному празднеству, сопровождавшемуся и пальбою из пушек, и фейерверками, и обильными попойками.

Государь чувствовал, что силы его крепкой натуры подламывались, он постепенно опускался; сыновей у него не было, да если бы и были, - объявленный им манифест о будущем порядке престолонаследия разрушал всякие права рождения и давал царствующему государю право назначать себе кого угодно преемником. Внука своего, сына несчастного царевича Алексея, Петр явно недолюбливал: вероятно, ему входило в мысль и то, что если со временем этот внук станет царем, то, по родительской связи, его окружат сторонники старых русских порядков, и партия, враждебная преобразованиям, поднимет голову. Кажется, тогда уже у Петра блеснула мысль передать после себя престол жене своей Екатерине. Правда, этого нигде не высказал Петр прямо, но такое предположение можно удобно вывесть из его тогдашних поступков. Весною 1724 года Петр задумал короновать ее; она носила уже титул императрицы, но только по мужу, как законная супруга императора. Петр захотел дать этот титул ее особе, независимо от брака. В манифесте, изданном по этому поводу, Петр извещал целый свет, что Екатерина была его постоянной помощницей в государственных делах и признавал за ней какие-то особенно важные услуги, оказанные во время прутского похода. Коронование Екатерины должно было происходить не в Петербурге, но в Москве, не перестававшей в глазах русского народа быть законною столицею и центром национального единства.

7 мая 1724 года совершилось в московском Успенском соборе это коронование государыни с большим торжеством. Обряд совершал новгородский митрополит, а псковский епископ Феофан Прокопович, самый близкий к Петру из духовных сановников, произнес тогда речь, понравившуюся государю. Петр собственноручно возложил на Екатерину корону. Несколько дней после того поили и угощали народ, а потом продолжительное время отправлялись при дворе праздники, маскарады и попойки. Событие было новое для России: до сих пор ни одна из русских цариц не удостоилась такой публичной чести, кроме Марины Мнишек, о которой в памяти народной осталось не отрадное воспоминание. Как бы в свидетельство того, что Петр готовил Екатерине власть, равную своей собственной, он поручил ей, вместо себя, пожаловать графское достоинство Петру Андреевичу Толстому.

Коронование Екатерины порождало разные предположения о престолонаследии. Одни думали, что, короновавши свою супругу, Петр намеревается объявить ее после себя преемницею, другие делали предположения, что Петр предоставит престол одной из дочерей, за неимением от Екатерины детей мужского пола. Большинство русских расположено было в пользу внука Петра, малолетнего сына царевича Алексея. Сам Петр, как видно,

колебался; он то оказывал расположение к внуку, то как будто не хотел знать его. Замечали тогда, что характер Петра менялся. Он постоянно имел задумчивый вид, часто искал уединения, с ним боялись заговаривать о делах, когда он оказывался угрюмым. Иногда он требовал к себе священника, иногда доктора, а иногда вдруг, по-старому, предавался разгулу и окружал себя шутами и членами всепьянейшего собора. Среди праздников и веселья, господствовавшего при дворе после коронования Екатерины, Россия представляла совсем непраздничный вид. Повсюду раздавались жалобы на бедность; недавние неурожаи произвели большую скудость необходимых средств к жизни; хлебные магазины, которые давно уже приказал устроить царь по всей России, существовали только на бумаге: на самом деле никто не спешил исполнять в этом повеление своего государя. По улицам городов и по большим дорогам сновали толпы нищих, хотя государь много раз уже приказывал, чтобы в его царстве не было нищих, и, под угрозами пеней и суровых наказаний, запрещал своим подданным раздавать милостыню. Голодные пускались на грабежи и убийства; около самого Петербурга бродили разбойничьи шайки. Казенные недоимки все более и более возрастали; в военной коллегии и в адмиралтейств-коллегии совсем недоставало денег на содержание войска и флота. Между тем тягости народу не облегчались; продолжали переселять русских людей в ненавистный для них Петербург, а множество неоплатных должников казне отправляемо было на тяжелую работу в Рогервик и Кронштадт. В то время, когда при дворе отправляли маскарады и веселились, в народе слышны были проклятия, за которые неосторожных тащили в тайную канцелярию и предавали варварским мукам.

Петр с Екатериною возвратился из Москвы в Петербург; готовились устраивать новое торжество, долженствовавшее совершиться через полгода, - обручение молодого голштинского герцога, родного племянника Карла XII с дочерью Петра и Екатерины, цесаревною Анною Петровною. Петр между тем неусыпно занимался своими обычными разнообразными делами, переходя от усиленных работ к обычным своим забавам. Так, в конце августа он присутствовал при торжестве освящения церкви в Царском Селе. Пиршество, после того, продолжалось несколько дней, выпито было до трех тысяч бутылок вина. После этого пира государь заболел, пролежал в постели шесть дней, и едва только оправился, - как уехал в Шлиссельбург и там снова устроил пиршество, празднуя годовщину взятия этой крепости. Из Шлиссельбурга Петр поехал на олонецкие железные заводы, выковал там собственноручно полосу железа в три пуда весом, оттуда поехал в Новгород, а из Новгорода в Старую Русу, осматривал в этом городе соляное производство. Из Старой Русы государь повернул к Ладожскому каналу; Петр был очень доволен работами, происходившими тогда под начальством Миниха. В предыдущих пяти годах едва вырыто было только на 12 верст канала и число рабочих простиралось до 20000 человек, при Минихе же вырыто было в течение одного года уже 5 верст; Миних надеялся до следующей зимы вырыть еще 7 верст, у него было, кроме 2900 человек солдат, вольнонаемных рабочих только до 5000. Рытье кубической сажени земли при Минихе стоило 60 коп., тогда как прежде оно обходилось в один рубль 50 коп.; вообще, по расчету Миниха, верста канала с деревянными

постройками, которыми укреплялись стены канала, должна была обходиться в 7500 рублей, тогда как прежде одни земляные насыпи по смете, представленной государю, обходились в 10000. В конце октября Петр возвращался в Петербург водою, но потом, раздумавши, намеревался плыть в Систербек, чтоб осмотреть учрежденный там сестрорецкий литейный завод. Приближаясь в своем плавании к селению Лахте, недалеко от устья Невы, увидел государь судно с солдатами и матросами, плывшее из Кронштадта и носимое во все стороны ветром и непогодою. В глазах государя это судно стало на мель. Петр не утерпел, велел плыть к судну, бросился по пояс в воду и помогал вытаскивать судно с мели, чтобы спасти находившихся на нем людей. В глазах Петра несколько человек, вместе с ним работавших, были унесены водою. Царь проработал целую ночь в воде и успел спасти жизнь двадцати человекам. Но утром он почувствовал лихорадку, отложил свое намерение посещать систербекские заводы, а поплыл в Петербург.

Тогда совершилось событие, которое способствовало нравственному потрясению Петра. Был у Екатерины любимец и правитель канцелярии, заведовавший ее вотчинами, - Виллиам Монс, брат той самой Анны Монс, которая некогда была любовницей Петра. Он находился в большой доверенности, а его сестра Матрена Балк была любимой фрейлиной у Екатерины. Пользуясь такою близостью к государыне, брат и сестра зазнались и вообразили, что они через то стали могущественными особами. Виллиам Монс надменно принимал всяких просителей, хвастал, что он своим ходатайством у государыни может всякому сделать многое. Петр стал обвинять и брата, и сестру в том, что, управляя доходами Екатерины, они ее обкрадывают; но то был только предлог: на самом деле, Петр приревновал Монса к императрице. Скоро после своего возвращения в Петербург, Петр проводил вечер с Монсом, и в 9 часов вечера отпустил его и других бывших с ним придворных, сказавши, что идет в свою спальню. Ничего не подозревая для себя худого, Монс прибыл домой, разделся и стал курить трубку: вдруг к нему входит страшный генерал-майор Андрей Иванович Ушаков, начальник тайной канцелярии, требует от него шпагу и ключи, потом опечатывает его бумаги и приказывает ехать с собою. Ушаков привез его в свой дом. Монс увидел там Петра. "И ты здесь", - сказал Петр, бросив на него презрительный взгляд. Монса арестовали и на другой день подвергли допросу в канцелярии собственного императорского кабинета. Монс увидел здесь опять государя и пришел в такое ослабление сил, что лишился чувств; ему принуждены были пустить кровь. На следующий день повели его снова к допросу и стали угрожать пыткою. Монс, чтобы не допустить себя до мучений, сознался, что обращал в свою пользу оброки с некоторых вотчин императрицы и взял с крестьянина взятку, обещая сделать его стремянным конюхом императрицы. Монса препроводили в крепость (26 октября), а потом высший суд 14 ноября приговорил его к смертной казни. Рассказывают, что царь сам приехал к нему проститься. "Жаль тебя мне, очень жаль, да делать нечего, надобно тебя казнить", - говорил ему Петр. Императрица осмелилась было ходатайствовать перед Петром о пощаде виновных, но Петр пришел тогда в такую ярость, что на глазах государыни разбил дорогое зеркало. "Видишь ли, сказал он многознаменательно, -вот

прекраснейшее украшение моего дворца. Хочу - и уничтожу его!" Екатерина поняла, что эти слова заключали намек на ее собственную личность, но с принужденною сдержанностью сказала государю: "Разве от этого твой дворец стал лучше?" Петр все-таки не исполнил просьбы жены. 16 ноября в 10 часов утра Монса вывезли с сестрою в санях, в сопровождении приготовлявшего его к смерти пастора. Монс бодро кланялся на обе стороны, замечая своих знакомых в огромной толпе народа, отовсюду согнанного смотреть казнь. Монс смело взошел на эшафот, снял шубу и выслушал прочитанный секретарем суда приговор, которым обвиняли его во взятках, поклонился народу и положил голову на плаху под удар топора. Его сестру Матрену Балк наказали одиннадцатью ударами кнута и сослали в Тобольск. Домашний секретарь Столетов, после четырнадцати ударов кнутом, был отправлен на десятилетнюю каторжную работу в Рогервик; пострадал тогда и дворцовый служитель Иван Балакирев, потешавший Петра и весь двор остроумными шутками. Ему дали шестьдесят ударов батогами и сослали в Рогервик на три года, поставивши ему в вину, что он, "отбывши инженерного учения", при посредстве Монса втерся во дворец и занимался там, вместо дела, шутовством. На другой день после казни Монса, Петр катался с Екатериною в коляске. Он приказал проехать мимо столба, на котором воткнута была голова казненного. Екатерина не показала никакого вида смущения и, как говорят, посмотревши прямо в глаза царю, произнесла: "Как грустно, что у придворных может быть столько испорченности!"

Вслед за Монсом раздражили Петра Меншиков, а потом кабинет-секретарь Макаров: на последнего донесли, что он не доводил до сведения государя о многих важных делах, возникших по фискальским доношениям, и представлял несправедливые доклады по челобитным о деревнях, взявши с просителей взятки. Царь отрешил Меншикова от должности президента военной коллегии. Эти неприятности усиливали болезненное состояние здоровья Петра, которое уже пострадало после приключения на Лахте. Между тем 24 ноября, в день именин государыни, совершено было обручение гол-штинского герцога с цесаревною Анною. Цесаревна при обручении отказалась за себя и за свое потомство от всяких притязаний на русский престол. У Петра, видно, были насчет преемства какие-то свои предположения, которых он не открывал. Но отказ Анны законно сходился с прежним указом Петра, которым государь предоставлял право всякому царствующему государю назначать по себе преемника. Судьба устроила наперекор отказу, подписанному тогда цесаревною: именно ее потомству, а не потомству кого-либо другого, суждено было утвердиться на русском престоле, который Петр так странно предавал произволу всякой царствующей особы.

Здоровье государя после того не поправлялось, но становилось со дня на день все хуже: у него открылись признаки каменной болезни. Петр преодолевал себя, бодрился, занимался государственными делами, уделял время и на свои обычные забавы. В конце декабря он творил выбор нового князя-папы, главы шутовского собора. Бутурлина не было уже в живых; несколько месяцев тому назад он окончил свою жизнь вполне достойно своему званию: он умер

вследствие своего обжорства и пьянства. День для избрания назначен был 20 декабря. Избрание происходило в доме умершего князя-папы. В избирательной зале был поставлен трон, обитый пестрою материей о шести ступенях, на котором стояла бочка с двумя кранами и на бочке сидел Бахус. По бокам поставлены были места для членов всепьяней-шего собора. В другой комнате, где собирался избирательный конклав, было устроено четырнадцать лож, посредине комнаты стоял стол с изображениями медведя и обезьяны, на полу стояла бочка с вином и посуда с кушаньем. После торжественного церемониального шествия в этот дом государь запер кардиналов в комнате конклава и приложил к дверям ее свою печать. Кардиналы не смели выходить оттуда, прежде чем не выберут нового папу, и должны были, через каждую четверть часа, хлебать по большой деревянной ложке водки. Петр на другой день утром в 6 часов явился выпустить их. Оказалось, что кардиналы долго спорили между собою о выборе и не могли согласиться, наконец решились покончить дело баллотировкою. Жребий пал на одного провиантского комиссара (Строгоста?), который был посажен на троне, и все должны были целовать ему туфлю. После этого производились над ним церемонии по установленному прежде чину. На пиршестве, которое в этот день последовало, подавали кушанья из волчьего, лисьего, кошачьего, медвежьего и мышиного мяса.

Настал 1725 год; царь захворал, но пересиливал себя и занимался делами до 16 числа января; в этот день его болезнь усилилась; он слег в постель. Государя лечил доктор Блюментрост. 22 января Петр исповедовался и причащался Св. Тайн, 26-го подписал манифест, освобождавший всех сосланных в каторжные работы, объявил всем осужденным прощение, исключая тех, которые судились по первым двум пунктам или уличались в смертоубийстве. Екатерина выпросила прощение Меншикову.

27-го января Петр изъявил желание написать распоряжение о преемстве престола. Ему подали бумаги; государь стал писать и успел написать только два слова: "отдайте все" - и более писать был не в силах, а велел позвать дочь свою Анну Петровну, с тем, чтобы она писала с его слов, но когда явилась молодая цесаревна, Петр уже не мог произнести ни одного слова. На следующие сутки, в четвертом часу пополуночи, Петр скончался. 2-го февраля его тело было выставлено на бархатной, расшитой золотом, постели в дворцовой зале, обитой теми самыми коврами, которые он получил в подарок от Людовика XV во время своего пребывания в Париже.

Петр, как историческая личность, представляет своеобразное явление не только в истории России, но в истории всего человечества всех веков и народов. Великий Шекспир своим художественным гением создал в Гамлете неподражаемый тип человека, у которого размышление берет верх над волею и не допускает осуществляться на деле желаниям и намерениям. В Петре не гений художника, понимающий смысл человеческой натуры, а сама натура создала обратный тип - человека с неудержимою и неутомимою волею, у которого всякая мысль тотчас обращалась в дело. "Я так хочу, потому что так считаю

хорошим, а чего я хочу, то непременно должно быть", - таков был девиз всей деятельности этого человека. Он отличался непостижимою для обыкновенных смертных переимчивостью. Не получив ни в чем правильного образования, он желал все знать и принужден был многому учиться не вовремя; однако русский царь был одарен такими богатыми способностями, что, при своей недолговременной подготовке, приводил в изумление знатоков, проводивших всю свою жизнь за тем, что Петр изучал только мимоходом. Все, что он ни узнавал, стремился применить к России, с тем, чтобы преобразовать ее в сильное европейское государство. Эту мысль лелеял он искренно и всецело в продолжение всей своей жизни. Петр жил в такое время, когда России невозможно было оставаться на прежней избитой дороге и надобно было вступить на путь обновления. Как человек, одаренный умственным ясновидением, Петр сознал эту потребность своего отечества и принялся за нее со всею своею гигантскою волею. Петр был самодержавен, а в такой момент истории, в какой тогда вступила Россия, только самодержавие и могло быть пригодным. Свободный республиканский строй никуда не годится в то время, когда нужно бывает изменять судьбу страны и дух ее народа, вырывать с корнем вон старое и насаждать новое. Понятно, что, привыкши к старому порядку вещей, участники правления не расстанутся с тем, что считают добрым и выгодным. Подобный пример наглядно высказался в Польше: страна эта никак не могла выбиться из-под нравственной плесени, потому что ее полноправные граждане, люди, решавшие судьбу своего края, дорожили стариною и не могли спеться между собою, когда приходилось для общей пользы жертвовать выгодами, в которых многие лично были заинтересованы. И современная Англия оттого так консервативна и туго податлива к переменам, что ее судьба зависит не от воли одного лица, а от согласия многих: страна эта только по форме монархия, а по духу более - республика. Только там, где самодержавие безгранично, смелый владыка может отважиться на ломку и перестройку всего государственного и общественного здания.

Петру помогло более всего его самодержавие, унаследованное им от предков. Он создает войско и флот, хотя для этого требуется бесчисленное множество человеческих жертв и плодов многолетнего народного труда, - все приносится народом для этой цели, хотя собственно народ этого ясно не понимает и потому не желает; все приносится оттого, что так хочет царь. Налагаются неимоверные налоги, высылаются на войну и на тяжелые работы сотни тысяч молодого здорового поколения для того, чтоб уже не возвратиться домой. Народ разоряется, нищает, зато Россия приобретает море, расширяются пределы государства, организуется войско, способное меряться с соседями. Русские издавна привыкли к своим старинным приемам жизни, они ненавидели все иноземное; погруженные в свое внешнее благочестие, они оказывали отвращение к наукам. Самодержавный царь заставляет их одеваться по-иноземному, учиться иноземным знаниям, пренебрегать своими дедовскими обычаями, и так сказать, плевать на то, что прежде имело для всех ореол святости. И русские пересиливают себя, повинуются, потому что так хочет их самодержавный государь.

Но здесь и предел самодержавной власти Петра. Много новых учреждений и жизненных приемов внес преобразователь в Россию; новой души он не мог в нее вдохнуть; здесь его могущество оказалось столько же бессильно, каким было бы оно и тогда, когда бы у него явилось намерение превратить дно моря в пахотную землю или плавать на корабле по степи. Нового человека в России могло создать только духовное воспитание общества, и если этот новый духовный человек где-нибудь заметен в деяниях и стремлениях русского человека настоящего времени, то этим мы обязаны уж никак не Петру.

Во все продолжение своего царствования Петр боролся с предрассудками и злонравием своих подвластных, преследовал казнокрадов, взяточников, обманщиков, скорбел, что в России совершается не так, как бы ему хотелось. Сторонники его искали и теперь еще ищут всему этому причину в закоснелых пороках и недостатках старого русского человека. Но, приглядевшись к делу беспристрастнее, придется многое приписать и самому характеру действий Петра. Нельзя человека делать счастливым против собственной его воли и, так сказать, насиловать его природу. История показывает нам, что в обществе, управляемом деспотически, чаще и сильнее проявляются пороки, мешающие исполнению самых похвальных и спасительных предначертаний власти. Какие же меры употреблял Петр для приведения в исполнение своих великих преобразований? Пытки Преображенского приказа и тайной канцелярии, мучительные смертные казни, тюрьмы, каторги, кнуты, рвание ноздрей, шпионство, поощрение наградами за доносничество. Понятно, что Петр такими путями не мог привить в России ни гражданского мужества, ни чувства долга, ни той любви к своим ближним, которые выше всяких материальных и умственных сил и могущественнее самого знания; одним словом, натворивши множество учреждений, создавая новый политический строй для Руси, Петр все-таки не мог создать живой, новой Руси.

Задавшись отвлеченною идеею государства и принося ей в жертву временное благосостояние народа, Петр не относился к этому народу сердечно. Для него народ существовал только как сумма цифр, как материал, годный для построения государства. Он ценил русских людей настолько, насколько они были ему нужны для того, чтобы иметь солдат, каменщиков, землекопов, матросов или своею трудовою копейкою доставлять царю средства к содержанию государственного механизма. Сам Петр своею личностью мог быть образцом для управляемого и преобразуемого народа только по своему безмерному неутомимому трудолюбию, но никак не по нравственным качествам своего характера. Он не старался удерживать своих страстей, нередко приводивших его к бешеным и кровавым поступкам, хотя за подобные поступки он жестоко казнил тех, над которыми властвовал. Петр дозволял себе пьянство и лукавство и, однако, преследовал эти же самые пороки в своих подвластных. Много совершено им возмутительных деяний, оправдываемых софизмами политической необходимости. До какой степени он был свиреп и кровожаден, показывает то, что он не побоялся унизить свое царское достоинство, взявши на себя обязанность палача во время дикой казни стрельцов; во все его царствование кровавый царь замученных и казненных в Преображенском

приказе заражал воздух Руси, но, как видно, не тревожил покойного сна ее государя; несчастный Алексей Петрович замучен родным отцом после того, как этот отец выманил его из безопасного убежища царским обещанием прощения; затем вспомним страдания царицы Евдокии и множества жертв, погибших большею частью невинно по делу ее сына; вспомним поступок с Полуботком и малороссийскими старшинами, бывшими жертвою политических целей; вспомним дело Монса, которого государь обвинил совсем не за то, за что на самом деле на него сердился! Сам Петр оправдывал свои жестокие казни потребностью правосудия, но факты показывают, что не для всех он был одинаково неумолим в правосудии и не в пример другим делал поблажки Меншикову, своему любимцу, которому сходили с рук такие беззакония, за которые другие расплачивались жизнью. Самые его дела внешней политики не отличаются безукоризненною честностью и прямотою. Северная война никак не может быть оправдана с точки справедливости. Нельзя назвать честными уловки Петра перед английским королем Георгом, когда он, вопреки явным уликам, уверял его в своей преданности и непричастности к замыслам претендента. До какой степени Петр уважал права чужих соседних наций, когда только не имел повода их бояться, показывает его дикий поступок с униатскими монахами в Полоцке, поступок, за который, вероятно, он сам казнил бы смертью всякого из своих подданных, осмелившегося сделать такое самоуправство на чужой земле.

Все темные стороны характера Петра, конечно, легко извинять чертами века; справедливо могут указать нам, что подобных сторон еще в большей степени найдется в характере других современников Петровых. Несомненным останется, что Петр превосходил современных ему земных владык обширностью ума и неутомимым трудолюбием, но в нравственном отношении не лучше был многих из них; зато и общество, которое он хотел пересоздать, возникло не лучшим в сравнении с теми обществами, которыми управляли прочие Петровы современники. До Петра Россия погружена была в невежество и, хвастаясь своим ханжеским обрядовым благочестием, величала себя "новым Израилем", а на самом деле никаким "новым Израилем" не была. Петр посредством своих деспотических мер создал из нее государство, грозное для чужеземцев войском и флотом, сообщил высшему классу ее народа наружные признаки европейского просвещения, но Россия после Петра все-таки в сущности не сделалась "новым Израилем", чего ей так хотелось до времен Петра. Все Петровы воспитанники, люди новой России, пережившие Петра, запутались в собственные козни, преследуя свои личные эгоистические виды, погибли на плахах или в ссылках, а русский общественный человек усваивал в своей совести правило, что можно делать все, что полезно, хотя бы оно было и безнравственно, оправдываясь тем, что и другие народы то же делают.

При всем этом Петр, как исторический государственный деятель, сохранил для нас в своей личности такую высоконравственную черту, которая невольно привлекает к нему сердце: эта черта - преданность той идее, которой он всецело посвятил свою душу в течение своей жизни. Он любил Россию, любил русский народ, любил его не в смысле массы современных и подвластных ему русских

людей, а в смысле того идеала, до какого желал довести этот народ; и вот эта-то любовь составляет в нем то высокое качество, которое побуждает нас, мимо нашей собственной воли, любить его личность, оставляя в стороне и его кровавые расправы, и весь его деморализующий деспотизм, отразившийся зловредным влиянием и на потомстве. За любовь Петра к идеалу русского народа, русский человек будет любить Петра до тех пор, пока сам не утратит для себя народного идеала, и ради этой любви простит ему все, что тяжелым бременем легло на его памяти.